

Научная статья. Исторические науки

УДК 327(5)

DOI: 10.31696/2072-8271-2025-2-2-67-335-345

СОЕДИНЕННЫЕ ШТАТЫ АМЕРИКИ И ВОСТОЧНОТИМОРСКИЙ ВОПРОС (1975–1999 гг.)

Павел Сергеевич ШАТЕРНИКОВ¹

¹ ИМЭМО РАН, Москва, Россия,

pavelshat26@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0002-0856-2265>

Аннотация: Отношение Соединенных Штатов Америки к вопросу о Восточном Тиморе в период с момента декларации независимости этой территории от Португалии в 1975 году до проведения референдума под эгидой ООН и последующей интервенции международных сил в 1999 году представляет собой сложный и противоречивый аспект американской внешней политики. Эта политика эволюционировала от стратегического молчаливого одобрения индонезийской аннексии в разгар холодной войны до постепенного, под давлением внутренних и международных факторов, наращивания дипломатического и экономического давления на Джакарту с целью урегулирования конфликта. Представленная работа ставит целью проанализировать динамику, мотивацию и последствия политики США в отношении Восточного Тимора на протяжении указанного периода, выделив ключевые этапы, факторы влияния и их роль в конечном разрешении кризиса.

Ключевые слова: Внешняя политика, США, Холодная война, восточнотиморский вопрос

Для цитирования: Шатерников П.С. Соединенные Штаты Америки и Восточнотиморский вопрос (1975–1999 гг.) // Юго-Восточная Азия: актуальные проблемы развития, 2025, Том 2, № 2 (67). С. 335–345. DOI: 10.31696/2072-8271-2025-2-2-67-335-345

Original article. Historical science

THE UNITED STATES OF AMERICA AND THE EAST TIMOR ISSUE (1975-1999)

Pavel S. SHATERNIKOV¹

¹ IMEMO RAS, Moscow, Russia,

pavelshat26@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0002-0856-2265>

Abstract: The attitude of the United States of America towards the issue of East Timor in the period from the declaration of independence of this territory from Portugal in 1975 to the holding of a referendum under the auspices of the United Nations and the subsequent intervention of

international forces in 1999 is a complex and contradictory aspect of American foreign policy. This policy evolved from a strategic tacit approval of the Indonesian annexation at the height of the Cold War to a gradual increase in diplomatic and economic pressure on Jakarta to resolve the conflict, under pressure from domestic and international factors. The presented work aims to analyze the dynamics, motivation, and consequences of U.S. policy towards East Timor over the specified period, highlighting key stages, factors of influence, and their role in the eventual resolution of the crisis.

Keywords: *Foreign policy, USA, Cold War, East Timor issue*

For citation: Shaternikov P.S. The United States of America and the East Timor Issue (1975-1999). *Yugo-Vostochnaya Aziya: aktual'nyye problemy razvitiya*, 2025, T. 2, № 2 (67). Pp. 335–345. DOI: 10.31696/2072-8271-2025-2-2-67-335-345

Исторический контекст и геополитическая рамка холодной войны

В качестве отправной точки представленного исследования будет рассматриваться 1975 год, время, когда после португальской революции гвоздик 1974 г. эта европейская страна решила отказаться от своего колониального наследия, что затронуло и её единственное владение в Юго-Восточной Азии, которым она обладала порядка пяти столетий. Таким образом, Восточный Тимор, бывшая португальская колония, географически изолированный анклав в Индонезийском архипелаге, имел отличную от соседней Индонезии колониальную историю, язык (*тетум*) и культурные традиции, сформированные под сильным влиянием католицизма. В 1975 г. в Восточном Тиморе возникли политические партии, боровшиеся за будущее территории.

Несмотря на то, что в современном мире политические партии часто выглядят фикцией и во многих странах выбор между ними влияет лишь на частные аспекты жизни страны, эту точку зрения нельзя перекладывать на восточнотиморские события пятидесятилетней давности.

Практически сразу после самоустранения португальской колониальной администрации из жизни бывшей колонии, в августе-ноябре 1975 г. между основными политическими силами – левонационалистическим ФРЕТИЛИН (Революционный фронт за независимый Восточный Тимор) и про-индонезийскими УДТ (Тиморский демократический союз) и АПОДЕТИ (Тиморская народная демократическая ассоциация) – вспыхнула короткая, но жестокая гражданская война.

ФРЕТИЛИН одержал верх и 28 ноября 1975 г. в одностороннем порядке провозгласил независимость Демократической Республики Восточный Тимор (ДРВТ). Уже 7 декабря 1975 г. Индонезия, опасавшаяся создания «коммунистического государства» у своих границ и стремившаяся к территориальной целостности, начала полномасштабное вторжение под предлогом «восстановления порядка» и «предотвращения коммунизма»¹.

Таким образом, холодная война стала определяющим фактором в судьбе маленького островного государства. Ключом к пониманию первоначальной реакции США является глобальная конфронтация с СССР. Индонезия при генерале Сухарто (пришедшем к власти в 1965-66 гг. в результате антикоммунистического переворота, поддержанного Западом) была важнейшим стратегическим партнером США в Юго-Восточной Азии. Стоит отметить, что трактовка событий 1965-66 гг. разнится в российской и западной академической традиции. На Западе более популярен проиндонезийский дискурс, утверждающий, что генерал Сухарто предотвратил коммунистический заговор и спас страну от «красной угрозы». Советские и российские учёные, в частности, А.Ю. Другов, Е.Н. Глазунова, А.С. Манькин, полагают, что это была тщательно продуманная со стороны Сухарто провокация с целью дискредитации коммунистического движения и устранения противников по политической борьбе¹. Автору настоящей работы доводы отечественных специалистов видятся более убедительными. Так или иначе, Индонезия при Сухарто стала гораздо более прозападной, чем при его предшественнике Сукарно и стала рассматриваться из Вашингтона как бастион против распространения коммунизма в регионе. Тут же отметим, что особенно роль Индонезии в этом качестве возросла после 1975 г., когда с завершением Вьетнамской войны США проиграли социализму значительную часть Индокитая. Кроме того, Индонезия была крупнейшей мусульманской страной с прозападной ориентацией и источником важных природных ресурсов. Во многом благодаря Сухарто в 1967 г. была создана АСЕАН, которая в годы холодной войны рассматривалась не столько как интеграционный блок, сколько противовес советско-вьетнамскому влиянию. Критически важно для США и стратегическое расположение Индонезии, позволявшее контролировать Малаккский и Зондский проливы – важнейшие артерии мировой морской торговли.

Учитывая вышеизложенные доводы, нетрудно понять, почему администрация Джеральда Форда и Государственный департамент во главе с Генри Киссинджером восприняли победу ФРЕТИЛИН в

Восточном Тиморе через призму холодной войны. Несмотря на националистическую и антиколониальную сущность движения, его левая риторика и некоторые контакты с марксистскими режимами в КНР, Китае и даже СССР позволили США и их союзникам (включая Австралию) представить его как потенциальную «коммунистическую угрозу» в регионе. Эта оценка, во многом преувеличенная, стала основой для оправдания индонезийских действий. Здесь же стоит отметить, что Австралия была совсем не против такой трактовки, желая решить посредством лояльности к действиям Джакарты спор о нефтегазовых месторождениях в Тиморском море.

За день до индонезийского вторжения президент Форд и госсекретарь Киссинджер встретились с Сухарто в Джакарте. Хотя точное содержание беседы остается предметом споров (документы лишь частично рассекречены), ясно, что американские лидеры дали Сухарто понять, что США не будут препятствовать его планам в отношении Восточного Тимора². Они лишь призвали действовать быстро и эффективно, чтобы минимизировать международный резонанс. Впоследствии США воздержались от осуждения вторжения в Совете Безопасности ООН. Резолюция СБ ООН 384 (22 декабря 1975) призывала к выводу войск и уважению права на самоопределение, но не содержала осуждения Индонезии и не имела механизмов принуждения. США не использовали свое влияние для блокирования резолюции, формально осудив действия Джакарты³.

Несмотря на формальные ограничения (поправка Кларка 1976 г., запрещавшая военную помощь Индонезии для использования в Восточном Тиморе, и поправка Лихи, связывавшая помощь с соблюдением прав человека), администрации Форда, Картера, Рейгана и Буша-старшего находили способы продолжать военное сотрудничество с Индонезией⁴. Это включало продажи оружия по линии коммерческих сделок (*Foreign Military Sales, FMS*), обучение индонезийских офицеров в США, совместные учения и доступ к запасным частям⁵. Здесь стоит отметить, что и восточнотиморское сопротивление пользовалось западными вооружениями, однако было ограничено теми запасами, которые португальцы оставили в 1975 г. Тем не менее, оно не сыграло решающей роли, так как нужно учитывать десятикратное превосходство *TNI*, а также западную помощь, направляемую Джакарте для подавления восточнотиморского сопротивления. Однако даже в этих условиях Национальному фронту за освобождение Восточного Тимора (*FALINTIL*) удалось организовать многолетнюю партизанскую борьбу.

Кроме того, США продолжали предоставлять Индонезии значительную экономическую помощь и поддержку через международные финансовые институты (МВФ, Всемирный банк)⁶. Политические контакты на высоком уровне поддерживались, укрепляя легитимность режима Сухарто. Аннексия Восточного Тимора (провозглашенная Индонезией в июле 1976 г. как 27-я провинция) де-факто была принята США как свершившийся факт.

Мотивация и эволюция политики США в отношении Восточного Тимора (1975-1999)

На протяжении большей части периода индонезийской оккупации Восточного Тимора политика США определялась реалистским подходом, в рамках холодной войны из которого и проистекал их жесткий стратегический прагматизм. Сохранение тесных отношений с Джакартой, рассматриваемой в качестве ключевого антикоммунистического союзника в Юго-Восточной Азии, было абсолютным приоритетом, который неизменно перевешивал судьбу маленькой и отдаленной территории. Вашингтон опасался, что независимый Восточный Тимор под руководством левого движения ФРЕТИЛИН может превратиться в «кубинский» или «вьетнамский» плацдарм в регионе. Такая перспектива, по мнению американских стратегов, могла дестабилизировать саму Индонезию (где уже существовали сепаратистские движения в Ачехе и Папуа) и негативно повлиять на стабильность АСЕАН⁷. Экономические интересы также играли свою роль: американские компании, особенно в нефтегазовом секторе, имели в Индонезии значительные инвестиции⁸. Важным фактором стали и переговоры о разделе морских ресурсов в Тиморской впадине (*Timor Gap*) между Австралией и Индонезией, завершившиеся договором 1989 г.; позиция США косвенно поддерживала индонезийский суверенитет над спорными водами⁹. Распространенным, хотя и оспариваемым, аргументом в американских кругах была идея, что Восточный Тимор слишком мал и беден, чтобы быть жизнеспособным независимым государством, и его интеграция в Индонезию представлялась как «наименьшее зло»¹⁰.

Вследствие этого стратегического выбора в США систематически занижали масштабы насилия и нарушений прав человека, совершаемых индонезийской армией (*TNI*) в Восточном Тиморе. Разведданные, недвусмысленно свидетельствовавшие о массовых убийствах (в первые годы оккупации погибло, по разным оценкам, от 100 до 200 тысяч человек – треть населения), голоде, пытках и репрессиях, не становились основой для изменения политического курса. Публичные заявления

сводились к общим призывам «снизить уровень насилия» и «улучшить гуманитарную ситуацию», тщательно избегая прямого осуждения Индонезии и признания истинных масштабов гуманитарной катастрофы.

Переломный момент: Резня в Санта-Круз и его последствия (1991 – середина 1990-х)

Долгое замалчивание было грубо прервано трагическими событиями 12 ноября 1991 г. Мирная демонстрация в память о погибшем активисте независимости на кладбище Санта-Круз в Дили была расстреляна индонезийскими войсками. Погибли сотни безоружных людей (точное число остается неизвестным, оценки колеблются от 100 до 300 и более)¹¹. Ключевое отличие этой резни от предыдущих заключались в том, что она была заснята на видео иностранными журналистами¹². Эти кадры массового убийства облетели весь мир, вызвав шок и беспрецедентное международное осуждение Индонезии.

Это неоспоримое визуальное свидетельство репрессий *TNI* по отношению к мирным гражданам прорвало информационную блокаду и мобилизовало мировое общественное мнение. Давление на администрацию Джорджа Буша-старшего со стороны Конгресса, правозащитных организаций (*Amnesty International*, *Human Rights Watch*), церковных групп (особенно католических в США) и широкой общественности резко возросло. Стало невозможно игнорировать систематический характер репрессий. Впервые политика США понесла ощутимые последствия для Индонезии: под сильным давлением Конгресса администрация Буша была вынуждена приостановить программы военного обучения (*International Military Education and Training*, *IMET*) и продажи некоторых видов вооружений Индонезии¹³. Хотя основные коммерческие продажи оружия и программы экономической помощи продолжались, это был первый реальный сигнал недовольства Вашингтона. США также присоединились к международным призывам к расследованию резни и наказанию виновных, а индонезийский суд над низшими чинами был впоследствии признан неудовлетворительным. Резня в Санта-Круз стала катализатором, усилив в Конгрессе движение за увязку всей помощи Индонезии с улучшением ситуации в Восточном Тиморе и продвижением к самоопределению.

Администрация Билла Клинтона (1993–1996), пришедшая к власти с повесткой защиты прав человека, попыталась найти новый баланс. Подход Клинтона можно охарактеризовать как «двойное сдерживание»: стремление улучшить отношения с Индонезией (в 1993 г. были восстановлены ограниченные программы *IMET*) сочеталось с мягким

давлением по вопросу Восточного Тимора через диалог о правах человека. США поддерживали переговоры под эгидой ООН, например, трёхсторонние переговоры Португалия-Индонезия-ООН о будущем статусе территории, начатые еще при Буше. Однако администрация Клинтона избегала прямой поддержки независимости, склоняясь к вариантам «широкой автономии» в составе Индонезии. Посол США в Джакарте Роберт Барри Вулси (1993–1996) активно лоббировал более жесткую позицию по правам человека и поддержку диалога, но встречал сопротивление в Госдепартаменте и Совете национальной безопасности (СНБ), где стратегический приоритет Индонезии оставался доминирующим. США не использовали весь спектр своих экономических рычагов (влияние в МВФ/Всемирном банке, торговые преференции) для оказания существенного давления на президента Сухарто. Продажи вооружений по коммерческим линиям также продолжались, что подчеркивало ограниченность реального давления в этот период.

Финансовый кризис, падение Сухарто и путь к независимости (1997-1999)

Решающий сдвиг в позиции США и всей ситуации вокруг Восточного Тимора произошел на фоне Азиатского финансового кризиса 1997 г. Кризис тяжело ударил по Индонезии, вызвав экономический коллапс и массовые социальные протесты. Авторитарный режим Сухарто, правивший более 30 лет, начал стремительно терять поддержку. США, будучи ключевым игроком в МВФ, обусловили предоставление масштабной финансовой помощи выполнением определенных экономических реформ. Хотя формально условия не включали предоставление независимости Восточному Тимору, кризис резко ослабил позиции Сухарто и его режима, сделав Джакарту гораздо более уязвимой к внешнему давлению.

В мае 1998 г. под давлением протестов и вследствие утраты армейской поддержки Сухарто ушел в отставку. К власти пришел его вице-президент Хабиби. Смена власти создала уникальное окно возможностей. В совершенно неожиданном заявлении 27 января 1999 г. президент Хабиби предложил предоставить Восточному Тимору «особый статус» в составе Индонезии или, если это предложение будет отвергнуто, провести референдум о независимости. Это решение было продиктовано экономической необходимостью и пониманием, что конфликт – дорогостоящее бремя для разоренной страны и препятствие для помощи, а также нарастающим международным давлением со стороны ООН, Португалии, США, ЕС, Австралии и внутривластным

расчетом нового руководства избавиться от «позорного» конфликта и улучшить имидж страны. В то же время, учитывая совсем недавние договорённости с Австралией 1997 г. по Тиморскому морю, Хабиби отнюдь не собирался предоставлять Восточному Тимору независимость, так как это неизбежно порождало третью сторону, претендующую на нефтегазовые месторождения. Вместо этого была подготовлена тонкая игра. Новая «демократическая» администрация, пришедшая на смену «авторитарному» Сухарто, разрешает тиморцам самим определять своё будущее. При этом подразумевается, что этим будущим должна стать автономия в составе Индонезии. Таким образом, Хабиби убивал не двух, а сразу трёх зайцев – снимал с международной повестки проблему самоопределения тиморцев и повышенное внимание к Индонезии, сохранял достигнутые с Австралией договорённости по Тиморскому морю и в качестве вишенки на торте – перекладывал часть расходов на содержание Восточного Тимора на его собственные плечи, с перспективой сокращения и военных расходов вследствие урегулирования проблемы.

Администрация Клинтона быстро и решительно поддержала инициативу Хабиби. США сыграли ключевую роль в мобилизации международной поддержки этого шага, убеждая союзников и ООН в необходимости воспользоваться моментом. Они активно участвовали в бэк-канальной дипломатии, поддерживая переговоры между ООН, Португалией и Индонезией, которые привели к подписанию соглашения 5 мая 1999 г. в Нью-Йорке. Соглашения предусматривали проведение под эгидой ООН референдума о принятии предложенной Индонезией «широкой автономии» или отделении. США оказали политическую и финансовую поддержку миссии ООН в Восточном Тиморе (UNAMET), созданной для организации референдума¹⁴. При этом США настаивали, что индонезийские власти (TNI и полиция) обязаны обеспечить безопасность в период подготовки и проведения голосования, хотя многие наблюдатели, включая американских дипломатов на месте, сомневались в их способности и желании это сделать.

Эти опасения оправдались самым трагическим образом. Референдум состоялся 30 августа 1999 г., и подавляющее большинство (78,5%) проголосовало за независимость. В ответ проиндонезийские милицеские части, созданные, вооруженные и контролируемые TNI, при прямой поддержке и участии индонезийских военных развернули кампанию террора, насилия и разрушений по всей территории. Были убиты сотни людей, сотни тысяч изгнаны в Западный Тимор (Индонезия), инфраструктура была целенаправленно уничтожена. Мир в реальном

времени наблюдал гуманитарную катастрофу при беспомощности миссии *UNAMET*¹⁵.

Очевидная причастность *TNI* к насилию вызвала международное возмущение. Под мощным дипломатическим давлением, возглавляемым Австралией (кардинально изменившей свою позицию¹⁶) и активно поддерживаемым США (включая личные звонки президента Клинтона Хабиби), Индонезия была вынуждена согласиться на ввод международных сил. Резолюция СБ ООН 1264 (15 сентября 1999 г.) санкционировала создание Международных сил для Восточного Тимора (*INTERFET*) под австралийским командованием. Роль США здесь была решающей: они оказали беспрецедентное политическое давление на Джакарту, угрожая полной международной изоляцией и экономическими санкциями, включая прекращение помощи МВФ. Хотя США не предоставили наземных войск для *INTERFET*, они обеспечили абсолютно необходимую логистическую и разведывательную поддержку: стратегические воздушные перевозки, спутниковую разведку, связь, планирование, корабли обеспечения. Без этой «невидимой», но критически важной поддержки США быстрое и эффективное развертывание *INTERFET* было бы невозможным. США также оказали значительную финансовую помощь операции. Прямая причастность армии к разрушениям после референдума привела к окончательному разрыву военных связей США с *TNI*, что было закреплено жесткими законодательными ограничениями, введенными Конгрессом¹⁷.

Заключение

Политика США в отношении Восточного Тимора прошла сложную эволюцию за четверть века – от стратегического попустительства и молчаливого одобрения индонезийской аннексии до активной дипломатической роли в организации референдума и критической поддержки международной интервенции для прекращения насилия. На протяжении большей части этого пути доминировал прагматизм холодной войны: стратегическая ценность Индонезии как союзника неизменно перевешивала моральные соображения и право тиморцев на самоопределение. Это выражалось в дипломатической пассивности, продолжении военного сотрудничества с *TNI*, несмотря на доказательства ее преступлений, и замалчивании масштабов гуманитарной трагедии.

Поворотным моментом, прорвавшим информационную блокаду и мобилизовавшим общественное мнение и Конгресс, стала резня в Санта-Круз в 1991 г., запечатленная на видео. Она привела к первым ощутимым санкциям и постепенному усилению дипломатического

давления в течение 1990-х годов. Однако решающий сдвиг произошел только на фоне Азиатского финансового кризиса и падения Сухарто в 1998 г. Ослабленная Индонезия под руководством Хабиби стала восприимчивой к давлению, а администрация Клинтона проявила решимость поддержать исторический шанс для мирного решения. Роль США в 1999 г. – их дипломатия, политическое давление и, особенно, незаменимая логистическая поддержка *INTERFET* – была критической для прекращения насилия и создания условий для независимости Восточного Тимора.

Тем не менее, эта запоздалая активность не может вычеркнуть двадцатичетырехлетний период, в течение которого США, руководствуясь стратегическим прагматизмом, закрывали глаза на оккупацию, массовые нарушения прав человека и отрицание права народа на самоопределение. История Восточного Тимора остается сложным и темным пятном как в истории американской внешней политики, так и сложившейся после Второй мировой войны системы международных отношений, уроком о трудностях баланса между стратегическими интересами и правами человека.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

ШАТЕРНИКОВ Павел Сергеевич, младший научный сотрудник ИМЭМО РАН, Москва, Россия

Статья поступила в редакцию 30.04.2025;
одобрена после рецензирования 16.05.2025;
принята к публикации 30.05.2025.

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Pavel S. SHATERNIKOV, Junior Research Fellow, IMEMO RAS, Moscow, Russia

The article was submitted 30.04.2025;
approved 16.05.2025;
accepted to publication 30.05.2025.

¹ Глазунова Е.Н. Маныкин А.С. США и события в Индонезии 1965-1966 гг. // Вестник Московского университета. Серия 25. Международные отношения и мировая политика. 2018. №4. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/ssha-i-sobytiya-v-indonezii-1965-1966-gg>

² Шатерников П.С. Восточный Тимор и Португалия: опыт построения взаимовыгодных отношений // Юго-Восточная Азия: актуальные проблемы развития, 2023, Том 1, № 1 (58). С. 195–204. DOI: 10.31696/2072-8271-2023-1-1-58-195-204

³ Резолюция СБ ООН 384 // ООН. URL: [https://docs.un.org/ru/S/RES/384\(1975\)](https://docs.un.org/ru/S/RES/384(1975))

⁴ U.S. Security Cooperation with Indonesia // U.S. Department of State. URL: <https://www.state.gov/u-s-security-cooperation-with-indonesia>

⁵ U.S. Security Cooperation with Indonesia.

⁶ Indonesia // International Monetary Fund URL: <https://www.imf.org/en/Countries/>

⁷ Naidu G.V.C. The East Timor Crisis // Strategic Analysis: A Monthly Journal of the IDSA December 1999 (Vol. XXIII No. 9). URL: https://ciaotest.cc.columbia.edu/olj/sa/sa_99nag01.html

⁸ Vital & Growing: Adding Up the US–Indonesia Economic Relationship // U.S. Chamber of commerce. URL: https://www.uschamber.com/assets/archived/images/documents/files/vital_and_growing_-_adding_up_the_us-indonesia_economic_relationship

⁹ Timor gap treaty between Australia and the Republic of Indonesia on the Zone of cooperation in an area between the Indonesian Province of East Timor and Northern Australia (11

December 1989) // Web Archive. URL: <https://web.archive.org/web/20050616125127/http://atns.net.au/biogs/A002026b.htm>

¹⁰ Naidu G.V.C. The East Timor Crisis // Strategic Analysis: A Monthly Journal of the IDSA December 1999 (Vol. XXIII No. 9. URL: https://ciaotest.cc.columbia.edu/olj/sa/sa_99nag01.html

¹¹ Chega The CAVR Report // CAVR. URL: <http://www.cavr-timorleste.org/en/chegaReport.htm>

¹² Santa Cruz Massacre: The Day That Changed History of Timor-Leste // VisitEastTimor. URL: <https://visiteasttimor.com/santa-cruz-massacre/>

¹³ U.S. Security Cooperation with Indonesia // U.S. Department of State URL: <https://www.state.gov/u-s-security-cooperation-with-indonesia/>

¹⁴ Special Political Missions // OOH URL: <https://main.un.org/securitycouncil/en/content/repertoire/political-missions-and-offices>

¹⁵ Chega The CAVR Report // CAVR. – URL: <http://www.cavr-timorleste.org/en/chegaReport.htm>

¹⁶ См. подробнее: Шатерников П.С. Отношение Австралии к вопросу о суверенитете Восточного Тимора в XX веке // Юго-Восточная Азия: актуальные проблемы развития, 2023, Том 5, № 4 (61). С. 252–261. DOI: 10.31696/2072-8271-2023-5-4-61-252-261

¹⁷ U.S. sought to preserve close ties to Indonesian military as it terrorized East Timor in runup to 1999 independence referendum // National Security Archive URL: <https://nsarchive.gwu.edu/briefing-book/indonesia/2019-08-28/us-sought-preserve-close-ties-indonesian-military-it-terrorized-east-timor-runup-1999-independence>